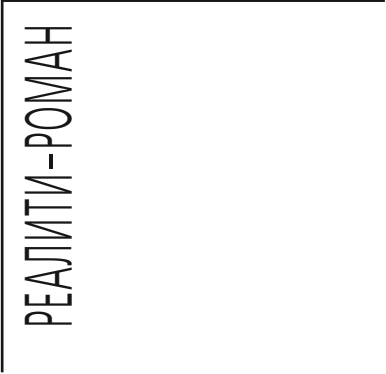

РЕАЛИТИ-РОМАН

Jean Colombier

La Théorie
des pénitents

Жан Колумбье

ДОСЬЕ «72»

УДК 82.06
ББК 84(4Фр) К61

Jean Colombier. La Théorie des pénitents. Éditions L'Arganier, 2006
Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de la Culture –
Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью Министерства культуры
Франции (Национального центра книги)

Дизайн – Александр Зарубин
Рисунок – Александр Архутик

Коломбье, Жан

К61 Досье «72» / Пер. с фр. В. В. Егорова. — М.:
Этерна, 2013. — 320 с. — (Реалити-роман).

ISBN 978-5-480-00198-1

Жан Коломбье — один из самых интереснейших современных свободных писателей Франции, не поддающийся какой-либо классификации, одновременно строгий и радостно-богохульный. Этот бывший регбист в своей провинции ожидает прихода к нему мудрости.

УДК 82.06
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-480-00198-1
(Россия)

ISBN 2-912728-27-4
(Франция)

© Éditions L'Arganier, 2006
© В. В. Егоров, перевод, 2013
© Палимпсест, 2013
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2013

Все началось тем июльским утром. Это было в 2012 году. Я поехал в отпуск со своей тогдашней подругой, одной брюнеткой с грозным характером. Отец согласился дать мне свою машину, совсем новенькую «рено», которая с удовольствием пролетала километры по национальной автострате на Вандею¹. Я ехал, слегка превышая скорость, это так, но чем я рисковал на этой прямой линии, где зеленый свет светофора гарантировал мне полную безопасность!

В тот момент, когда я приближался к светофору, наперерез мне выскочил какой-то «фольксваген». Я резко вывернул руль, но избежать столкновения не получилось. Потеряв управление, «рено» вылетела с шоссе, пробила ограждение, скатилась по крутому откосу и замерла, уж не знаю как, всего в нескольких метрах от могучего дуба. Стекла разле-

¹ Департамент на западе Франции у побережья Атлантического океана. — *Здесь и далее прим. вед. ред. серии.*

телись на мелкие осколки и поранили лицо Софи. Мы кое-как выбрались из груды бесформенного железа. На дороге уже собрались зеваки, кто-то успел вызвать полицию и пожарных.

Посередине перекрестка неподвижно стоял «фольксваген». У него было разбито переднее левое крыло, и из-под машины вытекала какая-то густая жидкость. Не выпуская из рук руль, его водитель, казалось, спрашивал себя, что же такое с ним произошло.

Допросившим его чуть позже полицейским он дал несвязные показания. Нет, на светофор он внимания не обратил. Однако он хорошо знал дорогу, поскольку ездил здесь каждый день. Откуда он ехал? Из Сен-Совера¹, там он играл в карты и... извините? Пил ли он? О, выпил совсем чуточку с друзьями, как обычно... Сколько ему лет? Ему шел восемьдесят девятый год. Ах, это? — ну, тут он ничего не может поделать, человеку не дано выбирать себе возраст. А... его жена? А причем тут жена? А, у нее сломана рука? — как сказали пожарные. Но это ерунда, а вот за ремонт машины придется дорого заплатить.

Значит, моему палачу было восемьдесят девять лет. В свои восемьдесят девять лет он выпил с приятелями и повез жену домой на своем красном «фольксвагене». А сигналы светофора его ничуть не беспокоили. А то, что он едва не отправил к праотцам двух молодых людей, впереди у которых было целое будущее, заботило его намного меньше, чем стоимость ремонта его собственной тачки.

Я дунул в трубку — старый картежник не смог, поскольку у него болели ребра, — сделал заявле-

¹ Серно-натронные источники во французском департаменте Верхние Пиренеи, горнолыжный курорт.

ние, забрал наш багаж и дождался, когда мой страховой агент пришлет такси, чтобы мы доехали до ближайшего вокзала. Негодование отца, ворчание подруги, закончившийся, не успев начаться, отпуск. Да здравствует преклонный возраст!

Вернувшись в Париж, я именно так все и объяснил моему кузену Макс. А тем временем дело обернулось плохо: машина ремонту не подлежала, а отец с гневом, в котором слышалось подлинное горе, вопрошал меня, где он теперь сможет найти «рено» в таком хорошем состоянии. При всем при этом Софи потеряла серьгу, которой она дорожила как зеницей ока. Механик из меня никудышный, устройство женской души никогда не было мне понятно. Ее ворчание перешло в окончательное молчание. Спустя восемь дней она уехала на Лазурный Берег с другом, который водил машину осторожно.

Откровенно говоря, надо бы запретить водить машину людям определенного возраста. Им надо бы вообще запретить высовывать свой нос на улицу. Надо бы даже, стоп... Только приличие помешало мне закончить эту ужасную фразу. Кузен Макс больше уже не смеялся. Я постарался рассмешить его, но он не смеялся, углубившись в привычные для него размышления.

Макс, которого я звал Кузен Макс, поскольку он и на самом деле был моим кузеном, являлся образцом для всей нашей семьи. Он преуспел в жизни. Став в тридцать восемь лет главой кабинета министра внутренних дел, этого зловещего Бофора¹,

¹ Здесь, видимо, проводится параллель с исторической личностью Генрихом Бофором (1377–1447) — английским государственным деятелем, епископом, председателем суда, приговорившего Жанну д'Арк к смерти.

Макс был полон законных честолюбивых планов. У него, как он говорил, были некие планы для Франции. А значит, и для себя самого. Наконец он вроде бы проснулся:

— А ты знаешь, что вчера со мной приключилось то же самое? Нет, до столкновения дело не дошло, потому что я ехал не очень быстро. Но на авеню Ваграм какой-то старик тронулся с места и стал разворачиваться просто так, не посмотрев назад, не включив сигнал поворота... Он представлял опасность для общества, он мог сбить ребенка, и он этого совсем не понимал... Надо что-то делать... И у меня есть несколько идей на этот счет. Могу тебе только сказать, что они наделают шума. Папашу Бофора кондрашка хватит! Но у нас нет выбора, будущее страны в опасности...

Больше мне ничего узнать не удалось: ему оставалось продумать некоторые детали, а для этого требовалось пораскинуть мозгами. И потом, в любом случае, как глава кабинета, он решил оставить право первым выслушать его предложения своему министру. Но я не должен беспокоиться: он будет держать меня в курсе, он все мне расскажет сразу же после разговора с министром! Оценивал ли я честь, которую он мне оказывал? Впрочем, я, возможно, еще понадоблюсь Кузену Максусу.

Несмотря на довольно прохладные отношения между нашими семьями, со временем мы с ним сумели завязать едва ли не братскую дружбу. Хотя нас и разделяло очень многое. Он был на десять лет старше меня, и за его плечами была учеба в очень престижном высшем учебном заведении, таком как Национальная школа администрации, факультет политологии, открывающий королевский путь для того, кто хотел заняться политикой.

Политикой, но в благородном смысле этого слова, в чисто этимологическом понимании, — спешил он добавить. Он мечтал о том, что будет управлять городом. А политические игры его не привлекали. Все так говорят, отвечал я ему, когда хотел его подколоть.

В благородном смысле слова или нет, но лично меня политика не интересовала, между политикой и мной была пропасть непонимания: можно ли пойти на то, чтобы забыть о разнице в общественном положении, вечно сглаживать острые углы, прятать когти, чтоб понравиться как можно большему числу людей, и ставить свое поведение в зависимость от ожиданий простого народа? Я больше не буду курить, не буду веселиться, не буду ругаться, я буду всем улыбаться, жать руку людям, которые мне не нравятся. Ради власти? Какой власти? Проще говоря, для Кузена Макса я привычно повторял то же самое, что говорили многие в кафе в министерстве торговли. «Брось, — возражал он, — тебе не дано это понять. Власть — это когда ты в состоянии изменить, встряхнуть повседневную жизнь людей. Настоящая политика и настоящая власть не даны тем, кто обменивается рукопожатиями с людьми на рынках, тем, кто произносит красивые слова в модных телевизионных передачах. Нет, политика и власть делаются и принадлежат тем, кого люди не видят, о чьем существовании они не догадываются, тем, кто за кулисами дергает за ниточки, кто выдает и насаждает свои идеи. Именно к этому я и стремлюсь, и ни к чему иному». Я смеялся ему в лицо: при власти или без нее, ясно, что ему не дано помешать мне жить так, как мне хочется, не испытывая никакого давления... Но лучше бы мне было помолчать.

Итак, политика меня не интересовала. Учеба тоже, что только множило число возникающих проблем. Особенно с моими родителями. Получив диплом бакалавра, я попробовал поучиться в университете, не имея ни к чему определенной склонности. Немного права, немного социологии, потом работенка то там, то сям. Как птичка, порхающая с ветки на ветку, говорил Кузен Макс. Неудачник, именно неудачник, говорил отец. Оба они, очевидно, были правы, я вел жизнь неприкаянной птицы, встречался с друзьями, с подругами, развлекался, слушал музыку, строил заманчивые, но очень расплывчатые планы. В двадцать восемь лет, не имея постоянной работы, не имея своего угла, не имея постоянной подруги, я был идеальным испытательным полигоном для тех, кто хотел узнать планы на будущее определенной части молодого поколения. Кузен Макс этим пользовался и помимо того, что испытывал ко мне искреннюю привязанность, старался через меня поддерживать контакт с повседневностью, с реальностью, с которой люди его типа не могли или же не хотели знакомиться.

Кузен Макс явно пребывал в состоянии крайнего возбуждения.

— Если бы ты только видел лицо Бофора!

Он назначил мне встречу в пятнадцатом округе в бистро «Паломб», где постоянно столовался. Как и обещал, Кузен Макс решил посвятить меня в свой революционный проект, о котором только что переговорил с министром.

Случай очень часто решает многие вопросы. Вызванный Бофором для решения некоторых административных формальностей префект департамента Эндр разоткровенничался, когда они потягивали вино у стойки бара на втором этаже министерства. Он не должен был бы этого говорить, но люди преклонного возраста стали причинять ему много неприятностей. В его департаменте, если так будет продолжаться и дальше, молодые люди скоро станут вымирающей расой. Простите, а как же быть с седыми головами?! Все очень просто, сходите прогуляться после обеда в будний день по

Шатору, вы встретите там одних только стариков. В общественном транспорте ездят одни старики. Черт возьми, к тому же бесплатно! Они мало потребляют, но они дорого обходятся, и очень скоро страна не сможет с этим справиться...

— Я ушам своим не поверил: неожиданным образом префект сам подготовил мне почву для разговора. На него было смешно смотреть: он был смущен тем, что говорил это, но убежден в том, что выполняет свой долг, защищает безнадежное, но правое дело. Однако префект молод и поэтому достаточно объективен... Бофора эти высказывания развеселили, он поблагодарил префекта и предложил ему департамент из короны парижского округа, в котором проживает много молодых и воспитанных людей. И тогда, представляешь, я бросился на помощь этому смелому человеку и рассказал про один случай, про твою аварию, — я, правда, немного сгустил краски, чтоб усилить воздействие, сказав, что твоя подруга погибла, потом еще пару-тройку происшествий с моими друзьями, в которых были замешаны люди пенсионного возраста. С еще большей страстью, чем префект, я подчеркнул, каким тяжким грузом ложатся старики на экономику страны. Бофор уже не улыбался. В конце концов он согласился с тем, что, конечно, с точки зрения экономики это большая проблема, но что ж тут можно поделать? С этим уже столкнулись все западные страны. Это является трагическими последствиями контрацепции, людского эгоизма, морального разложения французского народа. Он начал возбуждаться, словно окунулся в ход избирательной кампании. Я шепнул ему на ухо, что у меня, возможно, есть решение этого вопроса, которое я могу ему изложить, но хотелось бы поговорить об этом с глазу на глаз.

Потому что вопрос этот очень деликатный, действительно деликатный.

Увлеченный рассказом, Кузен Макс забыл про мясо, которое уже успело остыть. Я напомнил ему об этом и поинтересовался просто так, какой интерес правому правительству искать решение, которое позволяло бы больше не заботиться о стариках. Не стоило мне этого делать: мясу суждено было быть съеденным в холодном виде или не быть съеденным вообще. На губах Кузена Макса появилась его знаменитая нравоучительная улыбка, которую он напускал на лицо для разговора с простаками. И он прочитал мне лекцию по истории.

После падения правительства левых, которое было вызвано, как известно, делом Байе, к власти снова вернулись правые. Как обычно. Благодаря неискоренимой привычке французов к переменам. Правые были разобщены, но локомотивом для них послужила НПФ, Новая партия Франции. Кузен Макс хотел, чтобы я обратил внимание на следующее: каким образом крайне правая партия, которая на ладан дышала в конце прошлого столетия, смогла за несколько лет возродиться, обрести новое дыхание, завоевать доверие и, главное, омолодить свой электорат? Конечно, она сумела максимально воспользоваться растерянностью политических партий, вызванной катастрофой на референдуме 2005 года. Помогло еще вот что: левые были дезориентированы, правые были не в лучшем состоянии, и к тому же их раздирали внутренние противоречия. Освободилась ниша для тех, кто призывал вернуться к истокам, к истинным ценностям, к вечным ценностям Франции. И сразу же они набрали 21% голосов, не было никакой необходимости собирать голоса среди населения, желавшего без-

опасности; все правые партии, а затем и левые уже заняли этот сектор... Безопасность стала их главным политическим козырем, превзойдя по важности даже вопрос занятости. Вот как!

Своему успеху НПФ была обязана молодым, молодежи из предместий. Молодежи из богатых кварталов тоже, но в основном все-таки молодежи с окраин, где царило насилие. Расизм и насилие были обострены и поддержаны молодежными отделениями НФП. Как и в США, подростки собираются в группировки по этническому признаку или по кварталам, происходит война за территории, за сферы влияния, каждая этническая группировка старается утвердить свое главенство. У крайне правых хватило ума понять, что кто-то кого-то постоянно недолюбливает. И все эти молодые люди вновь обрели традиционные ценности крайне правых, ценности, которые они считают современными: превосходство расы, неприкосновенность территории, применение силы, дисциплина...

— И в конце концов ты видишь, как вокруг тебя растет численность клубов, банд, не всегда агрессивных, но отвечающих потребности сплотиться, что-бы чувствовать себя более сильным, чтобы иметь возможность противостоять агрессору. И все это явилось благодатной почвой для НФП. Следишь за моей мыслью? Ну вот, мясо совсем остыло, хуже некуда. Зря ты не интересуешься политикой — могу поспорить, что ты никогда не голосовал? В двадцать восемь лет, как тебе не стыдно! — ты должен знать, что коалиция правых сил победила на выборах в законодательное собрание и что в нынешнем правительстве большинство министров от НФП. Семь министерских портфелей, включая Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел и

Министерство финансов. И послушный им премьер-министр. И президент республики, находящийся чуть ли не под присмотром в своей резиденции. Поэтому, если я смогу убедить Бофора, мой проект будет иметь все шансы на успех. Потому что именно Бофор определяет всю политику правительства. И, если честно, его реакция была... скажем так, она меня не разочаровала...

Значит, Кузену Максуду удалось поговорить со своим министром тет-а-тет.

«— То, что я хочу вам сказать, господин министр, может показаться неуместным и даже чудовищным. Прежде чем вы примете решение или сочтете меня ненормальным, прошу вас выслушать меня до конца и сообщить мне о вашем решении через несколько дней. Согласны?»

— Давайте, Майоль, выкладывайте, я вас слушаю.

— Помните ли вы о нашем разговоре в тот вечер с префектом Эндрю Давидом? О его озабоченности тем, что его департамент стареет. О его опасениях, что вскоре у него не будет возможности выполнять обязательства по отношению к пожилым людям... После его слов я рассказал о трагическом случае с одним из моих кузенов и о других происшествиях, к счастью, с менее тяжелыми последствиями, но тоже связанных с пожилыми людьми. Все это меня озадачило... Я полагаю, что эти события поднимают новые проблемы: прежде всего, современностью правит скорость, простите за такое определение, в этом мире, где все происходит по нарастающей скорости, нельзя не отметить неспособность старых людей к адаптации. Неприиспособленность к технологическому прогрессу, к требованиям современной повседневной жизни.

Представьте себе восьмидесятилетнего человека на бегущей дорожке, у компьютера или же с кредитной картой в руках: сколько времени теряют другие потребители, какое нервное напряжение им приходится испытывать. Старики все чаще остаются в одиночестве, покинутые своими семьями, они предоставлены сами себе и оторваны от реальной жизни.

С годами это положение будет только ухудшаться. Что же делать тогда? Вы мне можете сказать, что их можно отправить в хоспис или в дом престарелых. И будете правы. Но тут мы подходим к следующей части моей аргументации. Хосписы, дома престарелых переполнены. Они уже не справляются с нагрузкой. Строить еще? Отлично. А кто будет за все это платить? Я не захватил с собой цифры, но в любой момент готов их вам представить. В 2040 году, то есть уже завтра, средняя продолжительность жизни женщин будет превосходить восемьдесят девять лет, а мужчин — восемьдесят три. Если бы не преждевременные смерти в результате несчастных случаев или болезней, представляете, скольких девяностолетних и столетних людей пришлось бы взять обществу под свою опеку? Только представьте! В том же 2040 году во Франции прибавится дополнительно девять миллионов лиц семидесятилетнего возраста. Приведу для примера еще один показатель: известно, что в тридцать лет человек расходует на медицинскую помощь чуть менее трех тысяч евро в год... Что, извините? Простите, я еще не привык к франку, на евро переходить мне было проще, переходить снова на франки несколько сложнее. Это предел! Но цифра точная, речь идет о трех тысячах франков. Лечение того же самого человека в возрасте семиде-

сяти лет обойдется уже в пятнадцать тысяч франков... Пятнадцать тысяч франков! Хотите, я умножу эту сумму на девять миллионов? Я не собираюсь играть на струнах сочувствия, но сколько денег тогда мы сможем выделить на создание новых рабочих мест? На трудоустройство молодежи? На развитие семьи? На научные изыскания?

— Не увлекайтесь, Майоль! Вы говорите словно агитатор НФП! Однако вы ведь не политик, вы — технократ...

— Господин министр, технократия является орудием политики.

— Любопытно, у меня такое впечатление, что вы хотите поменяться ролями: сделать меня орудием вашей агитационной кампании.

— Без всякой задней мысли, я просто стараюсь убедить вас в том, что Франция стоит на развилке пути развития. Она должна принять смелые решения. Это в ее характере.

— Вон как вы повернули! Но что же это за решения? Вы изложили мне проблему, я разделяю вашу точку зрения. Наши предшественники зубы себе обломали на пенсионном возрасте. С пенсионными фондами пока все понятно, и совершенно ясно, что это — веревка на нашей шее.

— Тогда ее надо перекинуть на шею пенсионеров! Мы сейчас одни, господин министр, мы можем свободно говорить обо всем, можем даже заговариваться. Я утверждаю: необходимо сократить жизнь стариков. Нужно ввести официальную эвтаназию в некотором смысле...

— Эвта... вы хотите сказать... убить их?

— Называйте это как вам будет угодно. Речь идет, во всяком случае, о сокращении времени дожития.

— Да вы с ума сошли... Никто и никогда не посмеет дойти до такой гнусности...

— Возможно, я и сошел с ума. Кстати, именно так я и подумал, когда впервые стал рассматривать эту гипотезу. А пока, понимая, что с сознанием у меня все в порядке, я ставлю вопрос так: поддержим ли мы такое решение проблемы? Если да, тогда пора приниматься за поиски наилучших путей решения. Но повторяю, господин министр, поразмышляйте над этим несколько дней. Мы можем вернуться к этому вопросу когда пожелаете. Я позволю себе только подчеркнуть, что, даже если эта мера на первый взгляд и может показаться негуманной — хотя это и не так, я потом объясню вам почему, — следует помнить о главном. А главное в том, что миллиарды евро, извините, конечно же, франков... десятки миллиардов франков страна сможет сэкономить и отдать их живой силе....

— Но ваша эта... эвтаназия, кого она должна коснуться? Всех? Или только инвалидов?

— Всех стариков. Если начать принимать во внимание то одно, то другое, миловать одноруких и не миловать одноногих, мы с этим никогда не разберемся.

— Всех? Так... И какой возраст кажется вам... Короче, начиная с какого возраста они будут считаться ненужными?

— Не знаю. Надо поработать над этим, подсчитать. Полагаю, начиная с семидесяти двух или семидесяти трех лет. Надо посмотреть...

— Семьдесят два года?!»

Министр внутренних дел задумался. Было понятно, что он принялся за вычисление, результат которого не вызвал у него оптимизма. «Даже будучи министром внутренних дел, активистом крайне

правой партии, — подумал Кузен Макс, — человек всегда остается человеком. Человеком пятидесяти восьми лет. Мальчишкой».

— Вот так. Бофор подсчитал, что жить ему осталось четырнадцать лет. Это и мало, и много. Я дал ему время повариться в собственном соку, подумать над тем, что его имя может остаться в памяти потомков. Ты даже представить себе не можешь, насколько это важно для сильных мира сего. Даровать свое имя какому-то делу, удачному или неудачному, улице, памятнику, закону, пусть даже самому плохому. А представь себе, какой соблазн связать свое имя с революцией. Все они только об этом и мечтают! И что им за дело до того, что эту революцию вспоминать будут с зубовным скрежетом. На самом деле эта революция заставит людей скрипеть скорее вставными зубами, чем молочными. Подумать только, ведь это ты — инициатор этого катаклизма!

— Я? Шутишь?

— Не совсем... Когда ты рассказал мне о столкновении с машиной того старого пьяницы, я еще колебался, не мог переступить черту. И вдруг раз — щелчок: эта неприспособленность стариков к сегодняшнему миру, который им уже не принадлежит. Вот карта, которой мне не хватало. Поздравляю, кузен!

Поздравления, поздравления, ишь ты какой прыткий! Я вдруг почувствовал, что на мои плечи навалилась огромная тяжесть. Словно на меня спихнули выполнение какой-то грязной работы. Я встряхнул плечами: в конце концов, ничего еще не решено. Бредовые идеи Кузена Макса имели очень мало шансов на претворение в жизнь. Уничтожить стариков! Что-то сюрреалистическое...

Выходя из ресторана, я испытывал особое удовольствие от того, что отведал мяса, которое было куда теплее, чем то, что лежало на тарелке моего кузена. Несмотря ни на что, я рискнул провести одно математическое действие. Четыре в остатке, один в уме. Между семьюдесятью двумя и двадцатью восемью времени было еще достаточно много.

Сощущением тяжести на плечах и погруженный в мрачную эйфорию, из «Паломба» я отправился в «Регалти», служившее мне прибежищем в праздные дни. Весь мой отпуск, сорванный вандейским выпивохой, мне придется таскаться по пустующим бистро в поисках замены Софи. Франсуа и Пьер, такие же бездельники, как я, резались во флиппер, перед ними стояли полупустые кружки пива, рядом лежали дымящиеся сигареты. Просто какая-то лубочная картинка, правда, написанная в XXI веке и в десятом округе.

По дороге, осматривая окрестности, я понял причины этой эйфории: я знал очень важную тайну, которую кроме меня знали только министр и глава его кабинета. Только мы втроем во Франции знали, что на лысые черепа вскоре должна была обрушиться буря. Возможно. В двадцать восемь лет этого достаточно для того, чтобы вскружить голову. Я поклялся держать язык за зубами. Но это не могло помешать мне в ходе разговора делать на-

меки, говорить иносказательно о том или ином аспекте проблемы... Играть таким образом с огнем, заманивать собеседников на поле, которое было заминировано, а они об этом не знали. Так я чувствовал себя менее одиноким и более сильным. Всемогущество того, кому кое-что известно и он знает, что это неизвестно больше никому.

Развалившись в креслах на террасе, мы любовались на замедленную жизнь парижского лета. Можно было подумать, что все они сговорились: спустя минут десять какая-то старушка позволила своему бассету нагадить на тротуар, какой-то старик перешел улицу прямо перед носом автомобилиста, к счастью, бдительного, — стекло опускается, звучит ругательство, пожимание плечами, стекло поднимается, яростное нажатие на педаль газа; двое античных провинциалов вывели из себя какую-то домохозяйку: она в седьмой раз подряд объясняла, как им удобнее всего добраться до кладбища Пер-Лашез.

— И можете там оставаться, никто о вас не пожалеет, — проворчала она им вслед, возвращаясь к своим пенатам.

Случай представился слишком хороший. И я начал разговор:

— Как все же много проблем со стариками...

— Со стариками? Стариков на свалку!

Для Франсуа, по крайней мере, все было ясно. Надо будет познакомить его с неким главой кабинета.

— На свалку? Почему? Что они тебе сделали?

— Мне лично — ничего. Но они меня изводят. Заставляют терять время в банке, в магазинах. Когда я за рулем, они выматывают все нервы. Стоит им слово сказать, им кажется, что на них наез-

жают. Они получают вдвое больше, чем я, а мне приходится вкалывать, чтобы набить им карманы. На свалку их, и все тут!

— Не преувеличивай, Франсуа!

Привыкший противоречить всегда во всем, Пьер принялся защищать стариков, но без убежденности, скорее всего умеренно. Нельзя сваливать всех стариков в одну корзину, среди них есть умные, добрые, некоторые из них бывают полезными, вот не далее как вчера один старичок угостил его в баре, да, он был пьян, но все равно сделал это, явно из лучших побуждений.

Я подумал, что в качестве адвоката Пьер причинял бы своим клиентам намного больше вреда, чем Франсуа в качестве обвинителя.

— Смотри-ка, вот и Люси... Не стоит говорить, но на эту малышку приятней смотреть, чем...

Приятная для просмотра девушка оказалась нам честь, остановившись рядом с нами. Она согласилась выпить с нами, но по-быстрому, потому что ее ждала бабушка, чтобы пойти по магазинам. Я не выдержал...

— Сколько лет твоей бабушке?

— Бабуле? Семьдесят восемь, кажется.

— А... И как она? Я хочу сказать, добра ли она, мила? Или ее надо выбросить на свалку? Тут есть две спорящие стороны...

— Вы с ума сошли? Могу поспорить, вы выпили лишнего... Бабуля для меня не просто бабушка, она моя настоящая подружка. У нее отличная рыбалка. Знаете, что она сделала в прошлом году? Отправилась одна в Марокко. Пришлось уговаривать ее взять чемодан на колесиках вместо привычного для нее рюкзака! Вам бы ни за что такого не сделать... Ладно, пойду, не хочу застав-

лять ее ждать. Спасибо за вино... И да здравствуют бабушки!

Я сильно продвинулся! Мой опрос общественного мнения начался с открытия банальных истин. От Франсуа до Люси расстояние оказалась немалым и непростым. Кузену Максу нравилось то, что я держал его в курсе всех уличных слухов, но из этого моего расследования на месте он не сможет извлечь выгоды!

Впрочем, он меня едва слушал: он был занят уткой, которую намеревался съесть до того, как она остынет. Он слегка пожурил меня, когда я рассказал ему о разговоре в «Регалти». Это было преждевременно, а значит, бессмысленно.

Я все-таки закончил свой рассказ здравицей в честь бабушек, но воздержался от выводов. Потом склонился над моим чуть теплым антрекотом, стараясь не нарушать молчания главы кабинета. Разговор, который состоялся у него утром с министром, сделал его задумчивым. Ему это очень шло. Задумчивость накладывала на его лицо отпечаток некой невинности, даже простодушия, делая его моложе, придавая ему вид мальчишки, с которым можно дурачиться. Чтобы стать безукоризненным во всех отношениях, Кузену Максу только и не хватало что этой искры во взгляде и задумчивости на лице, которое все еще продолжало оставаться детским. Именно этой искры не хватало, и когда Кузен Макс становился рассеянным, уходил в себя. Что же касается всего остального, то придраться было не к чему. Стройный силуэт, мужественные черты лица, смягченные голубыми глазами и аппетитным ртом, обязательный итальянский костюм, чью технократическую серость он оживлял пестрым шелковым галстуком, нередко со смелыми мотива-

ми. Это было единственной смелостью человека, за которого любая любящая мать мечтает выдать свою дочь. И любопытный до всего, и внимательный ко всем и к каждому. Откровенно говоря, он был мужчиной на все сто.

Он задумчиво вытер губы, улыбнулся — мясо было что надо, оно всегда должно быть горячим. Я надеялся услышать от него нечто другое, но у глав кабинетов тоже есть свои маленькие слабости. А этот не пренебрегал радостями мясоедства и, как мне было известно, любил ставить собеседников в тупик фразами, которые не относились к теме разговора.

На самом деле Кузен Макс сторал от нетерпения. Он продолжал молчать только для того, чтобы насладиться сладкими минутами, которые предшествовали выдаче особо важной информации. А заодно поиграть со мной, на моих нервах доверенного человека, поскольку, несмотря ни на что, я начал относиться к этому делу серьезно.

Бофор вызвал его к себе рано утром. В его поведении Кузен Макс уловил некую торжественность, а в его обходительности — некое смущение. Складка между бровей выдавала большую озабоченность человека, привыкшего к превратностям судьбы. Он спросил у главы своего кабинета, не имеет ли тот ничего против того, что в беседе примет участие Тексье, его личный советник, преданный ему человек, существо столь же умное, сколь и извращенное, которому Кузен Макс верил лишь наполовину.

— Сигару, Майоль?

— Сигару? Нет, спасибо, я не курю, но вы...

— Я тоже не курю. Вернее, я раньше не курил...

Но теперь, между нами, не вижу причин отказать

себе в этом удовольствии... Если мне жить осталось всего двенадцать лет, — не так ли? — я не стану ограничивать себя...

Он попытался весело посмеяться, но это у него явно не получилось. Может быть, из-за дыма или с непривычки. Кроме того, он сгустил краски: десять или двенадцать лет! Даже если человек не уметь считать в уме, но он никогда не ошибется, подсчитывая продолжительность собственной жизни. Или же в этом был другой смысл. Но все это ни о чем не говорило Кузену Максу.

— Скажите, Майоль, вы ходите на мессу?

— На мессу? Если честно, больше не хожу.

— О, виноватый тон ни к чему. Знаете, а вот я хожу каждое воскресенье, я вынужден это делать — почесывать моих избирателей там, где у них чешется, иначе... Короче говоря, по воскресеньям я хожу на мессу. И всегда все шло нормально, я даже испытывал от этого некоторое удовольствие — молитва священника, игра органиста или звуки хора, перспектива вкусного обеда... И вот все кончилось!

— Что именно кончилось?

— Что кончилось? Ушло мое душевное спокойствие. В церкви я чувствую себя посторонним, предателем. Кстати, вы будете смеяться, но в последний раз, то есть позавчера, у меня даже было видение: вы знаете церковь Сен-Мишель-де-Льон? Там в глубине алтаря стоит огромная фигура распятого на кресте Иисуса. Так вот, я собственными глазами видел, как он показал мне кулак. К счастью, правой рукой, не хватало еще, чтобы он показал кулак левой руки! И все это оттого, как сами понимаете, что после нашего прошлого разговора я не могу понять, что со мной происходит.

Я потерял сон, забросил текущие дела. Вы победили: червь пробрался в плод.

— Я не хотел...

— Дайте мне закончить. Известно, что есть два вида тайн. Есть слишком хорошие тайны, чтобы их скрывать от других. Есть слишком важные тайны, которые человек скрывает в себе. Я, таким образом, немного разгрузил свое сознание, поделившись тайной с двумя людьми: с Тексье, который сейчас выскажет вам свою точку зрения, и с отцом. Моему отцу сейчас восемьдесят два года, его этот вопрос касается в первую очередь, не так ли? Я его очень уважаю и люблю. Я всем ему обязан. В свои восемьдесят два года он сохранил живость ума и сообразительность, которой даже я завидую. Он выслушал меня, не произнес ни слова, потом надолго погрузился в задумчивость. Он заглянул мне в глаза. Никогда не забуду этот взгляд. Я не знал, куда деться, никогда в жизни мне не было так стыдно. «Мальчик мой, — сказал он мне, да, он продолжает звать меня мальчиком, короче: — Мальчик мой, ты занимаешь такой пост, на котором состояние души уже не имеет никакого значения. Ты должен задать себе вопрос, единственный: пойдет ли это на благо страны?» И это еще не все. Видя мое вполне понятное смущение, он добавил: «Знаешь, мой мальчик, я еще вполне здоров, у меня еще есть планы, но, если нужно, я готов пожертвовать собой, чтобы стать примером. Ряди успеха твоего предприятия. Ради спасения Франции...»

Отвернувшись к окну, Бофор сдерживал рыдания, столь неожиданные для министра, которому справедливо или нет, но, скорее всего, справедливо, приписывали инициативу принятия самых

грязных решений. Можно было услышать жужжание мухи. Странная это была картина: позолота на деревянных украшениях, хрустальная люстра, ковры ручной работы — и трое смущенных мужчин. Кузен Макс чувствовал, что переживает редкий момент, цена которого соответствовала напряжению, волнению, а главное принятию участниками разговора решения восстать против истории.

— Говорите, Тексье.

Тот немного помолчал, откашлялся в кулак, чтобы прочистить горло. И сделал это трижды, должным образом извинившись. Затем он поправил отвороты рубашки, сменил положение ног. Честно говоря, он явно тянул время, поскольку испытывал затруднения, над которыми никто и не думал насмеяться. Он проверил положение своей серьги, неожиданного украшения для личности его положения и его возраста, наличие которой можно было объяснить только желанием отвлечь внимание от венца седых волос вокруг лысины. Потом потеревил бородку времен Второй империи. Этого человека явно раздирали противоречия между тем, кем он был на самом деле, то есть стариком, и тем, кем он хотел быть, то есть советником, находящимся в гуще событий, в постоянном контакте с современностью и следящим за развитием нравственности. Оставаясь при всем этом ловким, хитрым и упрямым. Короче, опасным. Потянув таким образом время, советник перешел к делу:

— Я не привык ходить вокруг да около: если я скажу о потрясении, с которым я отношусь к этому делу, это будет неким эвфемизмом. Когда человек теряет сон, он выигрывает в том, что может посвятить больше времени на раздумья. Я всесторонне

изучил эту проблему. Проект, который вы нам представили, Майоль, ужасен, кошмарен. С этим невозможно согласиться, это противоречило бы самим основам человеческого достоинства. Вы попросили меня высказать свое мнение, господин министр, и я вам его излагаю: я поддерживаю этот проект. Я голосую за ужас, потому что считаю, что у нас нет выбора. Надо смотреть в будущее. Страна уже находится в тупике. А если рассматривать отдаленную перспективу, то можно сказать, что мы идем к катастрофе. Или к американской карикатуре, где укрепленные города переполнены тысячами стариков, которые стараются потратить в своем кружке свои доллары, отгороженные от мира крепостными стенами и полицейскими в форме. А нищие вычеркнуты из жизни, они живут в бидонвилях или в крысиных норах. Франция не создана для неравенства общества. Она штурмовала Бастилию не для того, чтобы дойти до этого. Так почему же тогда не попробовать пойти другим путем? Найти новую концепцию жизни, отдать приоритет молодежи. Сделать так, чтобы старики умирали более молодыми, если можно так выразиться. Возможно, что эта гипотеза и не так уж и отвратительна! Вот так! Я изложил вам свою точку зрения, хотя она стоит мне больших нервов. Остается только рассмотреть все проблемы, которые будут порождены этим решением: есть опасение, что они могут оказаться непреодолимыми.

Речь советника возымела свое действие. Никто не посмел ничего добавить. Заговорщики оказались у подножия стены. Заложив руки за спину, оставив сигару на краю пепельницы, Бофор ходил от одного окна к другому. Как всегда, одежда страдала от его движений. Край рубашки выбился

из-под ремня и свешивался над брюками как опущенный флаг. Никто не позволил себе сделать ему замечание на этот счет: чем больше рубашка билась на ветру, тем сложнее становилась ситуация. Всякий раз, проходя мимо окон, он смотрел на улицу, где суетились прохожие. Старики, совершенно не подозревавшие о наказании, которое им готовилось, наслаждались теплом дня, расспрашивали новости о ком-то из своих товарищей, одобряли программу телевидения. Держались за жизнь всеми своими старческими зубами.

Министру было необходимо снова взять ситуацию под контроль, сделать выводы из столь ужасного предложения. Принять решение.

— Господа... положение не очень радостное, хотя и ясное. Надо идти вперед... Принимать решение немедленно кажется мне преждевременным. У нас не хватает исходных данных. Майоль, даю вам поручение, которое, само собой разумеется, должно храниться в строжайшей тайне. Это государственная тайна. Соберите команду из надежных людей и представьте мне полный план. Впрочем, когда вы сообщите мне состав этой команды, я хотел бы переговорить лично с каждым. Осторожность никогда не помешает. Представляете себе скандал в случае утечки информации? Ваш проект, Майоль, должен основываться на реальных цифрах. Тексье в вашем полном распоряжении. Когда у меня на столе будет ваш отчет, придет время определить последующие шаги. Премьер-министр, президент... мои коллеги... Законопроект. Но сенат?! Никогда сенат его не пропустит, они все там семидесятилетние старцы... Мы сейчас находимся в самом начале нашего пути...

Покидая кабинет Бофора, Кузен Макс вдруг осознал, что входил туда в качестве главы кабинета, будучи инициатором законопроекта столь же смелого, сколь и ужасного. А вышел оттуда в качестве простого руководителя группы по разработке законопроекта столь же смелого, сколь и ужасного, инициатором которого стал его начальник. Технократам тоже не чужды душевные порывы.

Но порывы собственной души этот технократ умел умирять. В конце концов, даже если с него стянули одеяло, он продолжал дергать за ниточки. Он доведет свой бой до победного конца. А для начала надо будет активизировать работу, создав как можно скорее секретную рабочую группу.

— Мне нужен будет старик для защиты интересов пенсионеров, а также экономист, специалист по вопросам здравоохранения и два парламентария. И ты.

— Я? А я-то что буду делать на этой галере?

— Играть роль простака. Это необходимо. А также представлять молодежь. Твои отношения с родителями кажутся мне образцом современной тенденции: конфликты, непонимание, отсутствие финансовых интересов... Я настаиваю на твоём участии...

Он настаивал на моем участии! Ведь я в жизни ничего еще не сделал, а теперь вдруг должен буду размышлять о том, как лучше всего распорядиться жизнью другого. Я, который никогда не имел никаких идей ни по какому поводу, должен буду способствовать изменению сложившегося порядка вещей.

— Не отчаивайся, — сказал в заключение Кузен Макс, — я не требую от тебя достать с неба луну. Ты сможешь свободно и просто обо всем высказы-

ваться. Очень часто истина исходит от посторонних людей. А потом, эта группа будет неофициальной. Ее не существует, у нее нет никакого законного прикрытия, ее предложения никого ни к чему не обязывают. Это будет просто кружок для свободного обмена мнениями, что, как я надеюсь, позволит нам лучше разобраться в этой ситуации.

Литературно-художественное издание
Серия «Реалити-роман»

КОЛОМБЬЕ ЖАН
ДОСЬЕ «72»

Роман

Перевод с французского В. В. Егорова

Ведущий редактор серии *Н. В. Комарова*
Литературный редактор *Т. Н. Ледина*
Художественное оформление серии: *А. П. Зарубин*
Рисунок: *А. Б. Архутик*
Корректоры *О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.03.2013 г.
Формат 80×100/32. Гарнитура «ОстavaС».
Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru